

Итак, Соловьев не раз обращался к жанру биографии на протяжении второй половины 1890-х гг. Отчасти его подтолкнули к прозам пера в этом жанре жизненные обстоятельства – приглашение к сотрудничеству в биографической серии Павленкова, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, отчасти он пришел к нему в результате собственной творческой эволюции. Биографии стали для него первыми опытами в области художественной прозы, к которой он обратился только в последнее десятилетие своей жизни. С художественной стороны биографические произведения Соловьева вряд ли можно считать выдающимися. Большинство из них написаны «на заказ», следовательно, оформлены в соответствии с требованиями тех изданий, которым они предназначались. Только в «Жизненной драме Платона», напечатанной в «Вестнике Европы», Соловьев был полностью свободен в проявлении собственного Я. В итоге была создана философская биография, впитавшая в себя своеобразие личности и философские раздумья самого автора. Это можно считать ощутимым вкладом Соловьева в развитие биографического жанра конца XIX в. Ко второй половине 1890-х гг. Соловьев вполне оформился как незаурядный критик со своими критическими принципами и приемами. Вот почему в его биографических работах можно наблюдать сильную литературно-критическую струю. Для поэтики жизнеописаний Соловьева характерны развернутое цитирование документов, привлечение самохарактеристик героев, фрагментарность композиции, философичность, внимание к историческому контексту.

Литература

1. Казанцева Г.В. Беллетризованные биографии В. П. Авенариуса «Пушкин» и «Михаил Юрьевич Лермонтов»: история, теория, поэтика жанра : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2004.
2. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В. С. Смысл любви: избр. произведения. М. : Современник, 1991. С. 236 – 283.
3. Соловьев В.С. Магомет: его жизнь и религиозное учение. М. : Центр «Руник», 1991.
4. Соловьев В.С. Майков (Аполлон Николаевич) // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. С. 549–554.
5. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Смысл любви: избр. произведения. М. : Современник, 1991. С. 69–84.

6. Соловьев В.С. Разбор книги г. К. Случевского // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. С. 583–605.

Artistic originality of the biographic prose by V.S. Solovyov

There is shown that the greatest attention is paid by V.S. Solovyov to biographic books in their most important types – non-fictional, fictional, scientific.

Key words: genre of the biographic prose, fictional, non-fictional and scientific biographies, artistic peculiarities, composition, artistic devices.

Е.С. БИРЮЧЕВА, А.Х. ГОЛЬДЕНБЕРГ
(Волгоград)

ДОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПРОЗЕ ИВАНА САЗАНОВА*

Анализируются донские литературные традиции в творчестве И.Д. Сазанова. Особое внимание уделено принципам художественного воплощения проблемы «казачество и власть», занимавшей центральное место в дореволюционной донской литературе.

Ключевые слова: казачество, донская литература, традиция, новаторство.

И.Д. Сазанов вошел в донскую литературу начала XX в., когда в ней уже звучали сильные голоса Ф. Крюкова, Р. Кумова, А. Серафимовича. Донская тема появляется в первых заметках и очерках Сазанова, опубликованных в царицынских газетах. На донском материале написаны лучшие рассказы первого периода творчества писателя. Большинство из них увидело свет на страницах руководимого В.Г. Короленко журнала «Русское богатство». Они привлекли читателя не только талантливым изображением традиционного самобытного уклада казачьей жизни, но и правдивым отражением тех социальных перемен, которые были связаны с политикой царского пра-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-14-34004 «Литературное наследие И. Сазанова».

вительства по отношению к казакам. В этих рассказах нашли зримое выражение горькие для казачества последствия правительственных реформ.

Особую актуальность в донской литературе начала XX в. приобретает проблема «казачество и власть». В эту эпоху резко обострились отношения казаков с правительством, войсковым начальством, атаманами и другими представителями власти. Самым непосредственным образом они преломляются в судьбах сазановских героев.

Наиболее волнующей и злободневной после первой русской революции была тема использования казачества в качестве *карателей и подавителей* крестьянских и рабочих волнений. Об этом не раз писали газеты. Вот, например, заметка из газеты «Царицынская жизнь»: «Упорно ходят слухи среди казаков, что их отправят для подавления аграрных волнений и что деньги выдаются помещиками» [1, с. 3]. Эта тема становится одной из важнейших сюжетных коллизий рассказа Сазанова «Дома». Его героев вынуждают покинуть родную станцию: «Прислал, стало быть, окружной строгий приказ набрать казаков куда-то в имение. Не то в Тулу, не то в Ригу, не упомню... Тридцать рублей конному, а за усердную службу подарки окромя...» [9, с. 175]. Приказы начальства сопровождаются псевдопатриотической риторикой: «Окружной прислал напоминание о скорейшей отправке стражников... "Люди нужны в имение. Надеюсь, атаман, что не оскудел тихий Дон, и вы сумеете подобрать казаков, стойких и надежных, которые покажут себя достойными сынами Дона. В эшелоне непременно должен быть урядник..."» (Там же, с. 179). Писатель обнажает алогизм этой речи: *стойкие и надежные* казаки нужны для усмирения *полуголодных* крестьян. Насмешкой звучат слова о «достойных сынах Дона», когда речь заходит не о защите родины, а о службе стражника. Главный герой рассказа Семен Люлькин, который гордится полученным на военной службе чином урядника, сокрушается, что «захвачена вся жизнь, ничего не осталось. Ее свели к службе, к охране чужой жизни. Своего нет, как нет у старой собаки, которую посадили на цепь...» (Там же, с. 175).

В очерке Ф. Крюкова «О казаках» (1907) иронично описываются отношения между «Трезоркой» (казак) и хозяином (помещиком-нанимателем): «Препоручаю тебе, Трезорка, все мои потроха, – стереги! Принесите Трезорке помоев!». При этом автор заме-

чает, что «все чаще приходится ему помахать перед Трезоркой замасленной сторублевой бумажкой» [5, с. 47].

Правительство всячески старалось поддерживать мнение о казаках как о силе для подавления всякого рода вольностей. Порой такая точка зрения культивировалась искусственно с помощью официальной прессы. Об этом говорит ветеринар в рассказе «На Дону»: «Газеты тоже преувеличивают. Надо сгущать краски... Когда думают об общей справедливости, то отчего не допустить маленькой несправедливости к единице?..» [11, с. 3]. Казаки оказались этой самой «единицей», которой пожертвовали ради общего блага. Согласно переписи 1897 г., «единица» (войсковые казаки с семьями) составляла 2,3% всего населения [15, с. 117].

Герои рассказа Сазанова спорят о причинах жестокости казаков. Как и в «Белой глине» А. Серафимовича (1906), действие у Сазанова происходит в вагоне поезда. Композиционно рассказ представляет собой диалог персонажей, со всеми «за» и «против». Случайные попутчики обсуждают поведение казаков, приводят примеры, подтверждающие их точку зрения. У Серафимовича «все жалуются на казаков, обижают народ», «везде бедствие от военного мундира», о казаках говорят – «это басурмане». «Настоящие баши-бузуки!..», – таково мнение сазановского мещанина, стороннего наблюдателя, не знакомого с казачьим бытом, но активно читающего газеты [11, с. 3]. Однако в рассказе Серафимовича больше озлобленности по отношению к казаку со стороны других пассажиров, острее ощущаемой на фоне его отшучиваний, нежных отзывов о жене и радостного предчувствия предстоящей с ней встречи. Украинец «дядя Хведор» с «огоньком торжествующей ненависти» в глазах соврал казаку-офицеру о смерти его жены и детей во время подавления бунта («я ж его в первый раз вижу, и семейства его не знаю») [14, с. 425].

Другой герой сазановского рассказа «На Дону» – старик, у которого есть повод для ненависти: казаки убили его сына – говорит о сыне с горечью, о казаках с не меньшей озлобленностью, но понимает при этом, что нельзя распространять свою злость на *всех* казаков. Он извиняется перед казак-попутчиком: «Так ты, друг, не серчай! С горя я сказал... Обидели меня ваши казаки!» [11, с. 9]. В знак примирения герои по старому христианскому обычаю «преломили хлеб» (старик протянул «бутылку [водки] казаку», а тот в свою оче-

редь «вытащил из своего мешка ощипанный кругом кусок серого калача») [11, с. 9]. Примечательно, что персонажи Серафимовича на просьбу казаков угостить их семечками даже не отреагировали.

Одной из самых сильных сторон писательского таланта Сазанова является постоянное внимание к эмоциональной жизни своих персонажей. Его донские рассказы отличает мастерство психологических портретов. Новаторство Сазанова проявляется в том, что он, в отличие от Крюкова, никогда не романтизирует своих героев-казаков. Для системы его персонажей характерен принцип «двусторонности», или полярности. В рассказе «Дома», с одной стороны, изображен Семен, который не может не подчиниться приказу военного начальства, но испытывает чувство вины и морального беспокойства от того, что ударил плетью человека, а с другой – Матвей, который добровольно выбрал путь жандарма. Сазанов видит причину казачьей жестокости не столько во врожденном диком характере казаков, сколько в приобретенном на службе навыке. «Человек-то ведь не камень, не машина! Раз задавит хорошее чувство, другой задавит, а на третий, глядишь, оно и само не проснется...» [11, с. 4]. Крюков же, которого всегда привлекала историческая судьба казачества, склонен видеть первооснову жестокого поведения в *животном инстинкте* казаков. Таков герой его рассказа «Станичники» Андрей, участвующий в разгоне заводской толпы: сначала он «машинально поскакал вслед за другими», затем ему «трудно было удержаться от соблазна погони и ударов... Что-то подымалось внутри – дикое, жестокое, опьяняющее... И, не рассуждая, повинувшись лишь охватившему его хищному возбуждению, Андрей размахнулся и нанес первый удар» [6, с. 28].

Насущный для казачества вопрос о мобилизации, прохождении службы и обмундировании не раз поднимался на страницах донской литературы. В большинстве случаев, когда казаки сами не могли снарядить воина на службу, деньги на обмундирование и коня давал «мир». Ф. Крюков в очерке «На тихом Дону» подчеркивал неразрывную связь экономической жизни Донского края с регулярной мобилизацией и прохождением воинской службы казаками. Он показал, как рушатся казачьи семьи, когда последние сбережения идут на покупку обмундирования для уходящего на службу: «Детишки у него малы: угонят на службу, кто кормить их будет» [4, с. 38]. Подобная история случилась и с главным геро-

ем рассказа И. Сазанова «Дома»: «Когда Семена провожали в полк, правление купило ему, как несостоятельному, коня и седло и в уплату отдало Крокодилу (местному богатей – Е.Б., А.Г.) паек в аренду на восемь лет» [9, с. 168]. И теперь, когда Семен вернулся домой, он увидел, что обещанная после службы свобода более чем иллюзорна: старик-отец вынужден побираться у помещиков, в станицу на заработки не отпускает атаман, конь – строевой и на нем нельзя работать: «коня нельзя было ни продать, ни променять... О ненужной, бесполезной лошади приходилось заботиться ровно столько же, сколько и о себе» (Там же, с. 168). Семен пытается найти хоть какой-то выход из тупика: «Он обошел начальника станции, заседателя, следователя, ездил в соседнюю станицу. Везде приходилось говорить о своей бедности, кланяться, держать руки по швам, робеть пред грубыми окриками, краснеть от выговоров за беспокойство. На просителя привыкли смотреть, как на нищего, явно презирали его и не пускали дальше крыльца. Придя домой, каждый раз Семен чувствовал себя униженным и разбитым, словно кто-то побил его» (Там же, с. 178).

Получается, что власть теснит главного героя рассказа Семена со всех сторон. Ее представляют атаман, богатей, поп и даже собственный отец. «Хотел он поставить на озере сети, пришел Богаев, толстый, жирный, и сказал: “Я снял воды! Мое озеро!..”. Поехала Катерина собирать валежник, лесник ударил ее плетью: “церковный лес!..”. Отец говорит: “мой дом”. Крокодил: “мой паек”. А атаман: “Мои казаки. Должны подчиняться!..”» (Там же, с. 175).

Сазанов показывает, как в казачьей среде зарождаются мысли об открытом противостоянии представителям власти. Они звучат в речах и поведении старика Монашкина, готового дать отпор атаману: «Я до тебя тоже добирюсь! – блеснув глазами, сказал Монашкин и, решительно плюнув в ладонь, перекинул топор в правую руку. – Вдарить, что ли, хочешь? Ну, вдарь!.. Ехал в свое место, ну и езжай! Нечего тут ворон распугивать!..» (Там же, с. 173).

Тесную связь с проблемой взаимоотношений казачества и власти имели драматические судьбы женской части казачьего общества. Негативное отношение к мобилизации и военной службе у казачек было сильнее, чем у казаков, но в силу своего бесправного положения они были вынуждены молчать, плакать или радоваться отъездам и встречам сыновей или мужей.

Вся жизнь казачки связана с мобилизацией и прохождением службы сначала ее отцом, а потом мужем. Самым трудным был период, когда она становится *жалмеркой*: «Это состояние женской души, оставшейся в одиночестве, ее тоска, борьба с соблазнами, ощущение греха и наказание за него, гнет семьи» [13, с. 181].

Еще в 1896 г. Крюков в «Казачке» обозначил социальные проблемы, связанные с уходом казака на службу. Он пишет о том, как страдали казачьи семьи, когда кормильцы уходили на долгую армейскую службу, когда состарившиеся матери и отцы оставались без опоры, а жены – без мужей. Героиня повести Наталья своенравна и горда: «Знаю, за что пропадаю: за свою гордость пропадаю я... Все такие же, как я, да ничего, горя мало: перенесли, покорились... А я не могу покориться...» [3, с. 58].

Различные источники свидетельствовали, что «на грехи молодой жены, в случае отсутствия мужа, смотрят обыкновенно снисходительно; добродушные люди, по возвращении со службы, прощают неверность своих жен, ограничиваясь одними лишь замечаниями да просьбами не грешить на будущее время. Незаконнорожденные дети принимаются в семью и усыновляются» [7, с. 157]. Крюков в письме Сазанову указывал в качестве недостатка одного из его произведений сильно «выпяченный» грех женщины и реакцию на это общественности: «за “ззорное” поведение у нас на Дону не высылают, и то, что казак ходит к чужой бабе, как будто не вызывает таких толков» [8. Л. 2].

В рассказах «Как червь ползущий», «Обида» Сазанов показывает героинь, которые живут «по обычаю»: это Ганя, жена Селезня, все женщины Спиридона. У Крюкова почти все его героини – жалмерки, у Серафимовича – это Маланья, Дуняша. О том, что такой порядок вещей стал именно обычаем (измена жены, пока муж на службе, возвращение мужа и «учение» им жены), говорит ранний фельетон Сазанова «На реке»: «Ну как это баба без мужа не будет баловаться! Чего зря говорить... Какая такая есть!.. Вот я и побил ее, чтобы, значит, на прежнюю линию она попала, чувствовала, что муж дома» [12, с. 2]. Ср. у Серафимовича: «он [муж] поучил ее слегка, и она два дня ходила с подвязанной щекой» [14, с. 236].

Однако Сазанов не ограничивается описанным фактом, а пытается определить причину подобного женского поведения. В его произведениях женский вопрос не имеет однозначного решения. В рассказах «Праздник»,

«Дома», «Обида» измена героинь объясняются не иначе, как «шкура» она. В рассказе «Как червь ползущий» писатель проникает в суть женской психологии и выражает ее словами Спиридона. «Муж что? Ему от бабы одно нужно, а она души просит. Ей и попеть, и поплакать хочется. В ней тонкости много... Одним грехом не проживешь – скучно. Я сам не охотник до него. Чай, не скот! Тоже понимать надо...» [10, с. 63]. Сазановский персонаж не только понимает, но и жалеет одинокую женщину. В рассказе Крюкова «Из дневника учителя Васюхина» этот момент только намечен в желании главного героя «защитить ее от чего-то» [2, с. 78]. Семен Люлькин из сазановского рассказа «Дома», помимо чувственного влечения к Катерине («раньше он знал в ней одно только тело, дававшее ему наслаждение»), увидел в женщине духовное («почему-то вдруг ясно почувствовал и увидел ее душу, душу страдающего, любящего человека, близкого и дорогого в своем одиночестве») [9, с. 181]. Крюковское «защитить ее от чего-то» приобретает у Сазанова более глубокое психологическое наполнение: «И это двойное обаяние красивого тела и родной души было могуче и непобедимо. Хотелось смять Катерину в маленький комочек, взять на руки и с нежной заботой унести далеко, далеко в новую радостную, чистую жизнь...» (Там же, с. 181).

Таким образом, донские писатели рубежа веков обнажили в своем творчестве острые социальные противоречия, разрушающие традиционный уклад казачьей жизни. Герои рассказов Сазанова в полной мере ощущают на себе их последствия. Писатель показывает, как расшатываются нравственные основы казачьей жизни, меняется веками складывавшееся представление о казаке как вольном человеке и защитнике родной земли и веры, как растет негативное отношение к казакам значительной части русского общества.

Проблема «казачество и власть», представленная у Сазанова во всех ее основных аспектах, находит свое художественное выражение в выборе драматических сюжетов, глубоком анализе жизненных конфликтов, создании целой галереи ярких социально-психологических портретов донских казаков.

Литература

1. Вести с Дона // Царицынская жизнь. 1906. № 12. С. 3.
2. Крюков Ф.Д. Из дневника учителя Васюхина // Рассказы. Публицистика. М. : Сов. Россия, 1990. С. 66–100.

3. Крюков Ф.Д. Казачка // Рассказы. Публицистика. М. : Сов. Россия, 1990. С. 27–65.
4. Крюков Ф.Д. На Тихом Дону // Рус. богатство. 1898. № 8. С. 36–59.
5. Крюков Ф.Д. О казаках // Рус. богатство. 1907. №4. С. 45–56.
6. Крюков Ф.Д. Станичники // Современность. 1906. №1. С. 1–28.
7. Номикосов С. Народный казачий быт (Из книги «Статистическое описание Области Войска Донского» (Новочеркасск, 1884 г.)) // Дон. 1992. № 1/2. С. 140–168.
8. Письма Крюкова Ф.Д. Сазанову И.Д. // Рос. гос. архив лит. и искусства (РГАЛИ). Ф. 466. Оп. 1. Д. 28.
9. Сазанов И.Д. Дома / публикация текста и комментарии Е. Бирючевой // Отчий край. 2011. № 4(72). С. 160–185.
10. Сазанов И.Д. Как червь ползущий // Рус. богатство. 1911. № 7. С. 59–75.
11. Сазанов И.Д. На Дону // Трудовой путь. 1907. № 9. С. 1–10.
12. Сазанов И.Д. На реке. Станичные картины // Царицынский вестн. 1903. № 1714. С. 2.
13. Сатарова Л.Г. Образ «Тихого Дона» в прозе писателей-донцов // Дон. 1993. №2. С. 177–191.
14. Серафимович А.С. Полное собрание сочинений : в 7 т. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1959. Т. 2.
15. Футорянский Л.И. Численность, национальный и религиозный состав казачества России в 1897–1917 гг. // Проблемы истории казачества : сб. науч. тр. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1995. С. 117–131.

*Don literary tradition in the prose
by Ivan Sazanov*

There are analyzed the Don literary traditions in the creative work by I.D. Sazanov. Special attention is paid to the principles of artistic realization of the issue “the Cossacks and the authority” that took the central place in the prerevolutionary Don literature.

Key words: the Cossacks, Don literature, tradition, innovation.

